

Все сильно обрадовались и немедленно, как один, закивали.

Жун Тянь, смеясь, опустил голову и спросил князя:

— Ты проголодался?

Почесав затылок, Фэн Мин с улыбкой покачал головой, а сам подумал: «Мы так близки друг перед другом, шутим, шепчемся, без преувеличений между нами душевная близость. Но в этот час расставания стало невыносимо тяжело и грустно».

Думая об этом, князь схватил Жун Тяня за рукав, притягивая ближе. Цю Лань проводила взглядом близняшек, отправившихся готовить запоздавший обед, уводя за собой Ле Доу с Ле Чжунши, на плече которого по-прежнему сидела Сяоцю.

Воспользовавшись моментом, Жун Ху решил откланяться и доложил Жун Тяню:

— Ваш подчинённый хотел бы уйти, чтобы отправить гонцов с письмами, к тому же ещё надо связаться с людьми господина Сяо, которые поедут с нами, чтобы, когда князь Мин отправится по странам, всё было улажено.

На что Цзы Янь тоже проговорил:

— Вашему подчинённому не нужно ничего подготавливать. У Жун Ху много дел, я хотел бы пойти помочь ему. — И они вдвоём покинули комнату.

Жун Тянь, сразу же обернувшись, взглянул на Ле-эра.

Тот внезапно вскочил со стула и, высунув язык, отозвался:

— У Вашего подчинённого тоже есть дело, как только закончу, тотчас же приду и доложу государю. — И, оскалив зубки, с усмешкой посмотрел на Фэн Мина: — Князь Мин может не переживать и смело целоваться, ручаюсь, в следующий промежуток времени никто вас не побеспокоит.

Отчего Фэн Мин тотчас залился румянцем, а Ле-эр, не дожидаясь, пока князь что-либо скажет, уже умчался, словно струйка дыма.

Все остальные последовали его примеру и покинули комнату, не оставив ни тени, ни следов[1], позволяя государю и князю Мину побыть наедине.

Поначалу господа хотели сказать слугам пару слов, но увидев, что все и без этого всё поняли,

даже порадовались за их проявленную чуткость.

В тот момент, когда все ушли, оставив господ одних, в комнате сразу воцарилась звенящая тишина, и двое мужчин посмотрели друг на друга. Хоть эти уши, глаза, рот и нос были до боли знакомыми, отпечатавшись навсегда в памяти, однако сейчас это лицо напротив словно застыло.

В такой момент молчание лучше слов[2].

Никто из двоих не хотел говорить, дабы не разбивать этот миг чувственной тишины.

Как долго продолжалось это молчание — неизвестно, однако через некоторое время Жун Тянь, похлопав по своему бедру, проговорил с деланой улыбкой:

— Не нужно так пристально и неподвижно смотреть на этого императора, если хочешь поцеловать, то сделай это прямо сейчас. Смотри, даже специальное место есть для тебя.

Фэн Мин хотел подойти, вот только стеснялся, однако услышав слова государя Силэй, с притворной угрозой отозвался:

— Я стал достаточно высоким, да ещё и тяжёлым. Если сяду на твои бёдра, то не причиню ли тебе боли? — говоря это, князь, сходя с ума от радости, подошёл ближе.

Жун Тянь, воспользовавшись удобным случаем и обняв Фэн Мина, стал покрывать поцелуями лицо любимого феникса, которое можно было узнать, щёлкнув пальцами[3].

Князь, как и говорил, действительно вырос и стал намного крепче в сравнении с прошлым годом, к счастью, Жун Тянь изначально был довольно высоким и обладал как широкой грудью, так и широкими плечами, потому мог по-прежнему без особых усилий поднять милого Фэн Мина.

Держа друг друга в объятиях и касаясь кожи друг друга, возлюбленные делились своим теплом.

В нависшем коротком молчании они чувствовали, как сладость заполняет душу, и понимали, что не в силах расстаться.

И в этот миг Жун Тянь со вздохом проговорил:

— Иногда я думаю, не будь я императором Силэй не желая объединить Поднебесную, были бы мы чуточку счастливее?

Нахмурившись, Фэн Мин поразмышлял немного и вернул в ответ:

— Если бы ты не являлся императором Силэй не желал объединить Поднебесную, то не стал бы таким смелым и бравым мужчиной, более того, ты не стал бы нынешним Жун Тянем. Возможно, мои слова не обрадовали тебя?

Жун Тянь замер, в полных отваги глазах промелькнуло тёплое чувство, и, скользнув пальцем по милым сердцу бледно-алым губам, молодой мужчина приглушённо проронил:

— Фэн Мин, я не думал, что ты ради меня пойдёшь на подобный риск.

На что князь вздохнул, пресекая нежного и страстного императора Силэй. На самом деле это было не таким уж и простым заданием, и Фэн Мин ответил, прервав долгое молчание:

— Я рискую не только ради тебя, но и ради себя.

— Я не хочу расставаться.

Князь слышал в голосе Жун Тяня печаль, сейчас он не был похож на того могущественного[4] императора Силэй, который всем сердцем и душой желал объединить Поднебесную, вписав своё имя в историю. Сейчас он просто Жун Тянь. Принадлежащий ему, Фэн Мину, Жун Тянь.

— Жун Тянь... — юноша надолго замолчал, находясь в объятиях императора Силэй. Фэн Мин принял удобную позу и, блёкло улыгнувшись, прошептал: — Только отдавая другим, можно получать самому. Если ты не захочешь проявить милость, то и не сможешь постичь её.

— Отдав, только тогда постигнешь... — почти неслышно пробормотал Жун Тянь. — Говорить очень легко. — И сильной рукой медленно притянул любимого князя, крепко прижимая его к груди.

Очень тихо.

Цю Лань и другие служанки, оставив горячую еду перед дверью, тихо вышли из комнаты.

Эта ночь была очень спокойной.

Словно из-за предстоящей разлуки Небо для них подарило тишину, не смея побеспокоить. Время тянулось спешно, но одновременно с этим медленно, напоминая корабль, плывущий по воде спокойно и незаметно для глаз, позволяя потом заметить, что прошло достаточно много времени.

Отужинав, Жун Тянь лично помог Фэн Мину помыться, после чего отнёс на большую кровать, где с помощью самого интимного языка тела неоднократно попрощался. Молодой мужчина, отдавая всё сердце, вволю доставлял как себе, так и князю чрезмерное удовольствие, беспрестанно одаривая страстью[5], но когда князя покинули силы и он несколько кокетливо попросил пощады, император Силэй тотчас же проявил милость к любимому фениксу.

Охраняя крепкий сон князя Мина, Жун Тянь поднялся с постели, оделся и, накинув на плечи тонкий плащ, распахнул двери комнаты.

Высоко в небе ярко сияла луна, кроме неё больше ничего не было, даже звёзд.

Махнув охране, приказывая идти следом, Жун Тянь медленно зашагал и, выйдя из дворика, направился вдоль крайне извилистой галереи, в конце которой появились ворота, ведущие в ещё один двор. Перешагнув порог ворот и минуя внутренний дворик, император Силэй очень спокойно поднялся по лестнице.

Скрипнув, маленькие ворота, находящиеся наверху лестницы, мягко приоткрылись, словно догадавшись, что их удостоил посещением дорогой гость.

Подняв голову, Жун Тянь встретился с Ле Чжунлю, разодетым в верхнее платье и обутом в тканевые сапоги[6]. На лице господина министра сияла улыбка, а под лунным светом высокий силуэт мужчины казался ещё более беззаботным.

— Господин министр.

— Ваше Величество.

— Министр всё ещё не спит?

— Долгой ночью тяжело уснуть. — Ле Чжунлю, улыбнувшись, с лёгким вздохом проговорил: — Если государь не спит, то как тогда заснёт Ле Чжунлю?

Встретившись со взглядом мужчины, Жун Тянь разглядел в глазах министра благоразумие и безграничную опытность и, слегка изогнув тонкие губы, завёл руки за спину, после чего развернулся и, следуя за славящимся игрой на цитре Ле Чжунлю, а также зная его благородные помыслы, император молча зашагал вниз по ступеням.

Двое мужчин медленно шли, окутанные лунным светом.

— Хочет ли государь поделиться с Ле Чжунлю тем, что таится у него на душе?

На что Жун Тянь, лениво делая очередной шаг, проговорил:

— Действительно, есть один вопрос, который хотел задать министру.

— Э? — шаг Ле Чжунлю оставался неизменным, а сам мужчина, глядя на смутные очертания деревьев, тихо сказал: — На вопрос государя Ле Чжунлю, конечно же, ответит откровенно.

— Когда господин министр позволял своей жене остаться в Юэчжун, какие чувства испытывал?

Ле Чжунлю внезапно остановился и, медленно оглянувшись, глубоким взглядом посмотрел на Жун Тяня.

На омрачённом печалью и влажном лице выдающегося императора Силэй нельзя было разглядеть ни шелковинки таинственности.

— А... — Ле Чжунлю не смог удержаться от смеха и, покачав головой, сказал: — Государь — достойный император Силэй, этот козырь был неожиданным, он является уязвимым местом Ле Чжунлю. — Он медленно покачал головой, тяжело вздохнул, а на утончённом и талантливом лице возникла шелковинка горечи. — Ах, какие чувства, в конце концов, испытывал? В душе государю ведь всё ясно?

Устремив взгляд куда-то вдаль, министр продолжил идти рядом с Жун Тянем, медленно говоря:

— С детства я являлся высокообразованным, считая, что хорошо освоил старинные и современные знания, но в конечном итоге мне попался очень трудный урок — это любовь, которая является обязательным уроком для каждого. С древности и по сей день воспевали любовные истории, к сожалению, большинство из них — о любви простого человека, а о любви императора... можно по пальцам пересчитать.

Жун Тянь проявил любопытство:

— Э? Слова министра звучат крайне свежо, но позвольте спросить, что значит «любовь простого человека» и как понять «любовь императора»?

Равнодушный и непринуждённый Ле Чжунлю, заложив руки за спину, медленно вышагивал:

— Любовь простого человека заключается в мыслях «как сберечь и защитить партнёра», на самом деле это лишь самоподдержка. Любовь императора же заключается в поддержке партнёра, и не важно, какой ценой.

— В поддержке партнёра? — После небольшого размышления зрачки бездонных глаз резко сузились, и, медленно вышагивая в свете луны, Жун Тянь благоговейно проронил: — Министр, несмотря на риск, оставил госпожу Ле в Юэчжун именно из-за того, чтобы поддержать свою жену?

— Верно. Позволил ей достигнуть её собственной цели — защита родной земли, которую она любит всей душой, для неё подобрал подходящего ученика, чтобы позволить ей выполнить важную задачу, передающуюся из поколения в поколение, — передать военную стратегию рода Вэй. — При упоминании жены в глазах Ле Чжунлю появилась глубокая нежность. — Цюнян с детства получала наставления рода Вэй и твёрдо с решимостью стремилась приблизиться к доблести своего предка. Будучи слабой женщиной, она смогла унаследовать пост помощника полководца умершего отца в Юэчжун и прилагала в десять раз больше усилий, чем наши обычные мужчины. Признаюсь честно государю: если бы я настойчиво требовал, чтобы она последовала за мной в Дунфань, то применив небольшие усилия, возможно, добился бы цели. Но тогда она бы больше не была той доблестной, смелой, гордой и суровой Вэй Цюнян. Разве мог Ле Чжунлю поступить эгоистично и только ради собственного временного спокойствия схоронить свою любимую?

Жун Тянь после продолжительного молчания только и смог, что со вздохом проговорить:

— Господин министр действительно глубоко любит свою жену, настолько, что безмерно переживает о ней.

Ле Чжунлю с лёгкой улыбкой посмотрел на императора Силэй, отвечая:

— Неужели чувства между государем и князем Мином не глубокие? Иначе государь не согласился бы отпустить князя Мина. Самый важный человек скоро исчезнет из Ваших глаз, словно в любой момент обрекая себя на гибель, от подобных мыслей возникает такой прекрасный и терзающий сердце вкус, нас с Вами можно считать друзьями по несчастью.

На что Жун Тянь горько улыбнулся:

— Я и впрямь думаю запереть Фэн Мина в моём скромном месте, ожидая, когда объединю Поднебесную, потом только выпущу его. Я составлю ему компанию в играх, чтобы он ни хотел, я позволю делать всё, что взбредёт ему в голову. От подобного, должно быть, очень хорошо.

— Несмотря на хороший финал, он не так уж трогателен, как сам процесс, — проронил Ле Чжунлю. — Что лучше: прекрасный драгоценный меч, утопающий в горячей вражеской крови на поле брани, или прекрасный меч, висящий во дворце?

— Если предназначенный для боя драгоценный меч, столкнувшись с ещё более крепким клином, может сломаться, разве это не будет печально?

— А висящий во дворце меч хоть и будет радовать глаз, но с годами покроется ржавчиной, которая разъест его. В таком случае это будет досаднее, чем сломать его в бою, — искренне проговорил министр. — Князь Мин ещё молодое деревце, без помощи государя, оказавшись под солнечными лучами и дождём, может возмужать, став высоким деревом.

В глубине глаз императора Силэй появилось ожесточённое сопротивление, однако спустя

долгое время глаза стали излучать спокойствие, а вместе с ним — решительность, и, скрепя сердце, Жун Тянь глубоко вздохнул, кивая:

— Фэн Мин может возмужать, став высоким деревом.

Лёгкая улыбка медленно растаяла, похоже, что молодой мужчина впал в раздумье, представляя, как они с Фэн Мином будут править[7] Поднебесной.

Ле Чжунлю вновь глубоким взглядом посмотрел на императора Силэй и, изогнув губы в лёгкой улыбке, неторопливо сказал:

— Государь, проявляя императорскую любовь, поддержит князя Мина. Ле Чжунлю хочет от имени князя Мина выказать почтение государю. — И, сложив руки, министр опустил голову, кланяясь.

— Помогите нам, господин министр, — с благородными манерами вернул Жун Тянь. — Господин министр, примите поклон Жун Тяня.

Двое мужчин, сложив руки в знак почтения[8], зависли в долгом поклоне друг другу.

Непорочный лунный свет разливался по широким плечам мужчин.

Спустя некоторое время выпрямившись, император Силэй бросил глубокий взгляд на стоявшего напротив человека, и, понимая чувства друг друга, они невольно подняли взгляд в небо и разразились долгим смехом. А зародившиеся ещё днём недовольство и горечь обиды исчезли без следа...

Примечания:

[1] Обр. в знач.: совершенно незаметно, бесследно.

[2] Сама фраза переводится как «беззвучная победа над голосом». В поэме «Пипа»/«Лютня» автора Бо Цзюйи (772–846 гг., поэт эпохи Тан) упоминаются такие строки: «Когда в сердце рождается печаль, смутной скорбью охватывая душу, любые звуки лишними покажутся, безмолвье ж исцелит», но(!) есть и вторая отсылка, ведь именно эти слова говорил Фэн Мин в 42-ой главе, когда Ся Гуань рассказал про юношу, который безмолвием завоевал сердце красавицы Мэй Цзи.

[3] Обр. в знач.: быстро, мгновенно.

[4] В оригинале фраза звучит как «вызывать ветер и тучи», обр. в знач.: обладать огромной властью, могуществом, вершить судьбы.

[5] □□ переводится как «крепко (неразрывно) привязаться»; «близкий», «интимный»; «преданный», но ещё это жаргонное выражение «заниматься сексом».

[6] Сапоги, сшитые из грубого сукна. Подошва у них мягкая, но, несмотря на это, они крайне прочные, долговечные.

[7] Полностью фраза звучит как «криком вызывать ветер и тучи», обр. в знач.: обладать огромной властью, могуществом, вершить судьбы.

[8] Левая кисть охватывает правый кулак перед грудью.

<http://bllate.org/book/13377/1190209>